

Бигельды Габдуллин – известный писатель, публицист, общественный деятель, президент Международного казахского ПЕН-клуба, секретарь Союза писателей Казахстана. По словам Адольфа Арцишевского – один из главных архитекторов нашего медиaprостранства. Автор интереснейших книг и публикаций. О его неугасающем творческом потенциале говорит то, что за последние четыре года он написал и издал три актуальные книги, рецензии на которые мы представляем вниманию наших читателей.

Редакция журнала «Простор» от всей души поздравляет Бигельды Кайрдосовича с его славным 70-летием, желает ему счастья, здоровья и высоких творческих успехов.

КНИГИ О СВОБОДЕ

БИГЕЛЬДЫ ГАБДУЛЛИН: «В МОЕЙ НОВОЙ КНИГЕ О «КАНТАРЕ-22» ГЛАВНЫМИ ГЕРОЯМИ ЯВЛЯЮТСЯ ОЧЕВИДЦЫ»

– Бигельды Каирдосович, недавно вышла в свет Ваша новая книга «Қантар-22. Неудавшийся госпереворот и пробуждение нации» о событиях января 2022 года. В предисловии Вы отмечаете: «Однако январские события до сих пор вызывают массу вопросов, в них еще немало белых пятен, так как среди экспертов, политиков, да и в самом казахстанском обществе не сложилась цельная мозаика тех драматических событий, нет единого мнения в оценках трагедии, причин ее возникновения». Вы считаете, что ответы на эти вопросы еще не даны?

– Прежде чем ответить на Ваши вопросы, хочу поблагодарить Вас за журналистскую чуткость и оперативность. Книга моя вышла в конце прошлого года, но Вы, как настоящий профессионал, упресли своих коллег.

В принципе, так работают западные журналисты. Там литератор только собрался сесть за стол, чтобы написать свою нетленку, как литературные агенты, узнав об этом, уже начинают трубить в СМИ о будущей книге писателя. Так и надо работать.

Январские события 2022 года – это великое событие в жизни и истории нашего народа. По этой причине за время, прошедшее после «Қантара-22», еще невозможно уловить всю правду и кривду, дух той трагедии. Тем более не стоит забывать о том, что мы живем еще в полузакрывом обществе.

Согласитесь, Айгуль, что о любых событиях, тем более о трагическом, будь это «Желтоксан-86» или «Жанаозен-11», у каждого человека в голове складывается своя правда, свое видение, ибо каждый из нас индивидуален, мы имеем свои взгляды, свое представление о зле и добре, о справедливости, о тех или иных действиях власти, в конце концов.

Тут невольно приходят на память строки Шекспира: «У существующей печали сто отражений».

Я полагаю, что наше общество еще не получило полного ответа на сакраментальный вопрос: что случилось в январе 2022 года?

– На некоторые вопросы Вы попытались дать ответ своей книгой. Но делаете отступление: «При этом надо понимать, что мои выводы не являются окончательными, ввиду того что до сих пор нет открытого доступа ко всем материалам дел, касающихся январских событий, многие документы находятся под грифом “секретно”. Тем более следствие всё еще продолжается». Так на какие вопросы Вы сумели найти ответы?

– Приступая к написанию своей книги «Кантар-22: несостоявшийся государственный переворот и пробуждение нации», я в полной мере осознавал масштабность темы, трудности, которые ждут меня в предстоящей работе. Ведь, как-никак, речь идет о большой трагедии народа, где погибло несколько сотен людей. Понимал, как нелегко будет мне добывать сведения, документы, находить и встречаться с очевидцами, с представителями правоохранительных органов. Опережая Ваш вопрос, скажу, что они весьма неохотно шли на контакт, властные структуры.

Еще один трудный момент в моем расследовании – это беседы с людьми, потерявшими родных и близких. На самом деле, это настолько тяжело психологически, их переживания острой болью отзываются в твоей душе, ты не находишь слов для утешения, для того чтобы выразить свое сочувствие. Чтобы понять глубину их трагедии, необходима особая этическая позиция, этичное поведение, надо оживить все струны своей души, чтобы понять их потерю, боль. Ведь потеря близкого человека – это же утрата всей Вселенной. Не меньше.

Что же произошло в январе 2022 года в Казахстане, что явилось триггером тех трагических событий, кто стоял за ними, были ли реальные организаторы протестов, какие силы сыграли решающую роль в урегулировании ситуации – вот на какие вопросы я искал ответы.

– Для написания книги Вы проехали по всем местам, где проходили январские события, беседовали со многими людьми. В чем Ваши собеседники были солидарны?

– Да, объездил 13 областей, где встречался с непосредственными участниками «Кантара-22», с многочисленными родственниками погибших, с представителями власти, военных... Ответы людей разнятся. В западных областях люди придерживаются мнения, что всё началось стихийно, и потом недовольство народа определенные силы использовали в своих коварных целях для свержения власти действующего Президента Касым-Жомарта Токаева. Жители восточных областей считают, что они вышли на протест в поддержку жанаозенских рабочих и их выступления позже вылились в народный бунт под общим девизом «Шал, кет!», где они выражали свое недовольство тем, что от реальной власти не ушла старая гвардия во главе с Назарбаевым, социальными и политическими преобразованиями в стране.

Но люди, где бы они ни жили, солидарны были в том, что надо глубже проводить реформы, надо демократизировать власть и думать о нуждах простого народа.

– А чем разнятся события в Мангистауской области и в Алматы, к примеру? В те дни лично я была в Караганде, где всё было отно-

сительно спокойно. Знаю со слов племянницы, что возле их дома на юго-востоке города собралось несколько десятков человек, постояли, крикнули несколько раз «Аллах акбар!», что для Караганды звучит экзотически, и разошлись. В Майкудуке же, где я находилась у сестры, вообще было всё тихо. И Вы в своей книге указываете: «Благодаря разумному подходу активистов региона, культуре их организаторского поведения, авторитету местных влиятельных людей, протестному опыту, накопленному за прошлые годы в этом регионе, удалось избежать беспорядков, смертных случаев и мародерства. Митинги завершились мирно». Это о Мангистау. Можно ли это понимать так, что в рабочих городах общественное сознание у людей выше?

– Да, события, которые начались в Жанаозене и продолжились практически по всей стране, в том числе в Алматы, отличаются друг от друга по разным параметрам. Жанаозенцы, прошедшие настоящую школу политических выступлений, испытавшие трагедию в 2011 году, очень ответственно подошли к проведению мирных митингов. Особую роль там сыграли сами активисты, аксакалы, которые контролировали действия молодежи, выступления ораторов, чутко реагировали на каждый незаконный шаг своих земляков. Неслучайно в западных областях не было случаев мародерства, ограбления, поджогов зданий, не было человеческих жертв. Там живут смелые и отчаянные потомки батыра Махамбета Утемисова, они знают цену человеческой жизни, они – политически зрелые граждане.

В разношерстном Алматы наблюдалась вовсе иная картина. Здесь сама городская власть оказалась неспособной реагировать на происходящее. В основном виноват глава города Б. Сагинтаев и его команда. Они потеряли все нити правления, потому в городе вся власть перешла в руки деструктивных сил, которые заранее готовились к государственному перевороту. Им показалось, что если взять власть в свои руки в самом большом городе, то Астана тут же падет к их ногам. Именно это и привело к полному хаосу, мародерству, многочисленным человеческим жертвам.

– Когда я вернулась в Алматы и в первый раз проехала по Площади Республики, то была потрясена разгромом, который там учинили так называемые мирные протестующие. И меня никто не убедит, что это выходили алматинцы, чтобы выразить свой протест. Протест против чего? С какими лозунгами они вышли?

– Согласен с Вами, что в этих волнениях в основном участвовали приезжие молодые люди, люмпенизированные, необразованные, которые легко поддались на призыв «бородатых» джигитов грабить магазины. Коренной алматинец или просто образованный, культурный человек никогда не станет грабить магазины, поджигать акимат, банки, здания, тем более стрелять по безоружной толпе. То же самое можно сказать, что такого беспредела не допустили в рабочих городах Центрального Казахстана и на севере республики.

– Сегодня проходят суды по многим участникам тех событий. Адвокаты, родственники и сами подсудимые утверждают, что они боролись за свои права и требовали свергнуть Назарбаева. Но Назарбаев к этому времени практически три года не находился у власти. Следовательно, эти выступления были направлены против действующего Президента Токаева.

– Но тут я выражу свое несогласие с Вами. Везде, где я побывал, протестующие бросали лозунг: «Шал, кет!» Людям надоело тридцатилетнее правление Назарбаева и его ближайших родственников и соратников. Они понимали, что страну захлестнула коррупция, nepотизм, они на своей шкуре испытали несправедливость в судебной системе, продажность чиновников, им надоело

жить в нищете, живя в стране с богатейшими природными недрами. Вы говорите, что Назарбаев уже несколько лет не был президентом. Да, не был. Но реальная власть находилась не у действующего Президента К. Токаева, а в его железных руках. Именно он являлся руководителем Совета Безопасности РК, это означало одно: все силовые министры подчинялись ему. Один пример: председатель КНБ РК Карим Масимов просто игнорировал Президента Токаева, он практически ни разу не был у него на приеме, а всегда советовался и встречался с Назарбаевым. А народ наш не глуп, он всё видел, вот и надоело ему это двоевластие!

Так что эти выступления не были против власти Президента Токаева.

– В те дни глава государства заявил: «Это была тщательно спланированная операция, по своей сути террористическая, с привлечением боевиков из-за рубежа». Ваши встречи с людьми подтвердили эти слова?

– Подтвердили в полном смысле этого слова. Во всех регионах действовали группы молодых людей в количестве 20-30 человек спортивного телосложения, которые координировали действия бастующих граждан. Причем все они были приезжие, они не были знакомы с местными лидерами. Именно они организовывали уличные бои, усиливали и устраивали беспорядки с применением огнестрельного оружия, оперативно получали вооружение, захватывали и поджигали административные здания и силовые ведомства без особого сопротивления правоохранительных органов, подталкивали мирных митингующих на мародерство, захват оружия и т. п. Всё это свидетельствует о хорошо организованной поддержке протестующих со стороны силовых структур, системе «двойного подчинения», где сотрудники правопорядка не понимали, приказы какого командования выполнять, и эта версия хорошо укладывается в вышеописанную схему развития событий.

– В названии книги Вы употребили словосочетание «неудавшийся госпереворот». Кому на руку он был?

– Это был запланированный государственный переворот, организованный представителями старого Казахстана. Они заранее готовились, однако для них час икс должен был наступить немного позже. Но раз народ сам поднялся на такое нешуточное восстание, почему им не воспользоваться такой благоприятной революционной ситуацией. Однако они не предполагали, что в дипломате Президенте проснется волевой, решительный джигит. В создавшейся обстановке хаоса и неразберихи он проявил мужество, завидную выдержку и хладнокровие, и всё руководство над подавлением восстания взял в свои руки. Убедившись в том, что его приказы саботирует руководство силовых структур (КНБ) и военных, он уже не мог доверять им, что послужило основанием для его обращения к ОДКБ за помощью. И в подавлении этого национального конфликта решающую роль сыграло именно это решение Президента К. Токаева. Как бы ни интерпретировали оппоненты Токаева это его решение, его обращение оказалось уместным и своевременным. Иначе мы жили бы другой стране и откатились бы назад на многие годы.

– Сегодня, спустя более трех лет, Вам кажется, что нация пробудилась? А ведь, строго говоря, у нас и нации нет, но, если говорить на эту тему, то можно в такие дебри залезть...

– Не совсем разделяю Вашу точку зрения о том, что у нас нет нации. Кахахи еще та нация! Она проснулась ото сна, «Кантар-22» стал неким «будильником» ее сознания. Она ждет, что Президент Токаев до конца доведет свои реформы, правда, ему мешает многочисленное племя «назарбаевской эпохи», эти чиновники сидят «на двух стульях», тихо саботируют решения Президента, не доводя их до реализации. Они сидят и ждут, когда вернется старая власть. Не дождусь, надеюсь.

– Как Вы считаете, власти сделали выводы из тех событий? Если да, то в чем это выражается?

– Нынешняя власть, как и любая, критикуется за мягкотелость в своих решениях, скажем, за нерешительность в ограничении прав «семьи», за пассивность в возврате ворованных денег олигархов, за ограничение свободы журналистов и т. д. С этим можно во многом соглашаться. Но критиковать нынешнюю власть за то, что она не сделала выводов из событий «Кантара-22» – это несправедливо. Власть провела довольно ощутимые реформы в политической, социальной жизни страны. Они очевидны.

«Кантар-22» стал катализатором больших преобразований во многих сферах общественной жизни. Прежде всего, Президент Токаев произвел ряд важных кадровых назначений. Уже 6 января он взял на себя руководство Советом безопасности – ключевую должность в высшей иерархии власти, с которой Назарбаев всё никак не мог расстаться. 7 января в обращении к народу К. Токаев анонсировал план реформ и конкретные меры по их реализации. В те же дни Президент поручил новому премьер-министру перестроить работу Вооруженных сил, МВД и внешней разведки, разработку программы повышения доходов населения, создать общественный фонд «Казахстан халкына». 16 марта он выступил с мартовским Посланием народу Казахстана, в котором объявил о политической реформе, которая усилит роль Парламента РК и позволит Казахстану перейти от суперпрезидентской к президентской форме правления. Президент анонсировал создание трех новых областей.

Пакет токаевских реформ потребовал внесения более тридцати поправок в Конституцию. Прежде чем начать реформы, Токаев решил узнать мнение народа и провел в стране общенациональный референдум. Далее К. Токаев объявил об амнистии для участников январских событий. Правда, она не распространялась на террористов, экстремистов и тех, кто пытал людей.

Айгуль, мне не хотелось бы перечислять все те реформы, которые инициировал второй Президент, это займет много времени. Но другой вопрос, насколько они эффективны, как они реализованы. Тут, конечно, есть вопросы... Но, как говорится, Москва не сразу строилась.

– И последний вопрос. Советский поэт Василий Федоров сказал:

<i>Всё испытав, мы знаем сами,</i>	<i>Займет, сводя всё те же счета,</i>
<i>Что в дни психических атак</i>	<i>Займет, засядет, нас разя...</i>
<i>Сердца, не занятые нами,</i>	<i>Сердца! Да это же высоты,</i>
<i>Не мешкая, займет их враг,</i>	<i>Которых отдавать нельзя.</i>

Иначе говоря, без идеологии не обойтись. И январь 2022 года, как мне кажется, показал, что людей, у которых нет убеждений, понимания происходящего, легко обработать и вывести на площади. Нужна идеология или нет?

– Конечно, нужна. Без идеологии не обойтись. Идеология – это каркас государства, его путеводный компас. Без нее общество попадает в тупик. Идеологию я рассматриваю как систему взглядов, ценностей проживающих в стране людей, которая придавала бы смысл их жизни.

Во все времена граждане ругали свою власть за отсутствие или неопределенность в этой важной сфере. Я тоже ругал. Но читая мировых авторитетов в этой области, я пришел к выводу, что идеологию создают не штатные идеологи власти, а само гражданское общество. Зрелость идеологии – это показатель зрелости общества.

Казахстан сегодня переживает «болезнь роста». Вот посмотрите, сколько крови, сколько жестоких репрессий, гражданских войн претерпели европейцы, американцы, чтобы достигнуть сегодняшнего уровня цивилизации. В этом

смысле нам надо расти и расти. Да, сегодня у казахов размыты ценностно-духовно-нравственные ориентиры, полузабыты народные традиции, методы патриотического воспитания, потеряны традиции казахской семьи. И над этим надо работать.

Другое дело, что мы потеряли немало времени для своего цивилизационного развития из-за коррумпированности назарбаевской власти, да и нынешняя власть особо не спешит в этом отношении.

Надо систематически и продуманно работать с молодежью. Если раньше партия «Нур Отан» что-то делала для молодежи, то нынешняя партия «Аманат» совсем позабыла, что в стране живет подрастающее поколение. Этой партии сегодня не слышно, не видно!

Я уверен, что такие идеологи власти, как Ерлан Карин, Арман Кырыкбаев за короткое время могли бы написать платформу новой идеологии. Для этого у них всё есть: и опыт, и глубокие знания, и широта мышления. Но это совместная работа идеологов власти и интеллектуальных сил всей нашей элиты.

Так что я не хотел бы, чтобы наши молодые люди пребывали в некоем идеологическом вакууме, с пессимизмом смотрели на будущее, уезжали жить и работать за границу.

Беседовала Айгуль ОМАРОВА

В романе «Мараль» известного писателя и публициста Бигельды Габдуллина рассказывается о том, что автору довелось пережить на собственном опыте. И это ему в полной мере удалось: написанный ярко и образно, роман удерживает внимание читателя на протяжении всего повествования. Автор поднимает проблему насилия и жестокости как анахронизмов системы, выживание в которой он объясняет с присущей ему мужественностью: «И я лишний раз уяснил для себя, что единственная победа, какую я смогу одержать над ними, – это выжить в таких скотских условиях. И не просто выжить и продлить свою жизнь, но сохранить свое достоинство, силу духа и волю».

Журнал «Простор» предлагает вниманию читателей рецензию на данное произведение, принадлежащее перу друга и коллеги автора книги, одного из старейших русскоязычных писателей Казахстана, Адольфа Арцишевского, который недавно ушел из жизни.

Адольф АРЦИШЕВСКИЙ

БЕССОВЕСТНЫЙ КНИГУ ЭТУ ЧИТАТЬ НЕ БУДЕТ

Бессовестный книгу эту читать не будет, она ему в укор и в тягость. Но если он в недоуменном раздражении возьмет ее в руки и глазом скользнет по обложке, он словно бы ощутит зону повышенного риска. И там, где у него всё же таится рудимент под названием «совесть» – а умертвить окончательно этот обнаженный нерв едва ли кому удавалось, – в нем всколыхнется неуместная тревога. Потому как во всей неприглядной очевидности он осознает – да, да, деваться некуда, поймет – вековечную, грубую истину: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Она далека от усилий зергера. Народная мудрость, поднаторевшая в бедах, закаленная многогранным лихом, рубанула здесь как топором, с плеча. И не поймешь – то ли острием, то ли обухом, но тот, кто во власти творит беззаконие, вдруг почувствует шкурой, что власть не броня и не бронь, а Божье око не дремлет.

Я прочел этот роман в рукописи, прочел на грани нервного срыва, потому что читать такое, обезопасив себя иронией ли, скепсисом, даже сарказмом, читать отстраненно не получится и невозможно. Так я читал когда-то на свертонкой папиросной бумаге слепые копии платоновского «Котлована», «Факультета ненужных вещей» Домбровского, «В круге первом» Солженицына. «В круге первом» я даже, помнится, завернул в пергамент, вырыл ямку в погребке и прикопал там копию крамольной книги до поры. Не за себя боялся, за близких – за мать свою, жену и сына, потому как страх тогда топором нависал над душой. Да и запрещенные по дурости родной нашей партией, но вызывающие к самому сокровенному стихи Гумилева, Ходасевича, Мандельштама старался держать только в памяти, которая надежней и безопаснее папиросной бумаги.

Автор романа «Мараль» Бигельды Габдуллин ни в коей мере не претендует на то, чтобы встать в один ряд с нашими полузапретными классиками, хлебнувшими лихо с лихвой. Он хотел лишь предельно честно и открыто рассказать о той незащитности и безнадеге, которые испытывает человек, попав ни за что ни про что под каток сердобольной власти. Как там сказано у Грибоедова? «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Власть ведь если полюбит, то и залюбит, придушит от великой любви, как это было с незабвенным Алексеем Максимовичем Горьким или с тем же Маяковским.

Книга эта требует серьезного прочтения и тем более серьезного анализа, оно мне едва ли по зубам. Хочу сказать о другом. Власть – любая власть – подозрительна и как-то не очень разборчива, решая, кого карать, кого миловать. Как миловать, а тем более как – вот это вот – карать. Вообще-то каждый правдолюбец обречен на суму и тюрьму. И если в своей судьбе он избежал этих благодетелей, то у него биография как бы неполная. А власть... Что власть? Она не вдается в подробности, но в результате очень рачительно взрачивает несогласных и оппозицию. Вообще-то властью востребованы, как приметил еще Салтыков-Щедрин, смелые в своей дерзости подхалимы. И хотя все мы, в той или иной мере, по свидетельству того же Щедрина, «больны болезнью готовности», но... Если бы еще власть испытывала подобный встречный порыв.

Существует такое понятие «катарсис». Это когда автор, подведя тебя к соответствующей кульминации событий, выжимает из тебя невольную слезу – восторга, умиления и т. д. и т. п. В общем, ты покидаешь поле битвы, в которую тебя вовлекли, потрясенный увиденным, услышанным и произошедшим, испытывая, как Леонид Ильич Брежнев, чувство глубокого – глубочайшего! – удовлетворения. Так вот, финал книги в этом отношении маркирован по высшему классу. Там как бы сама жизнь заслуженно дала всем сестрам по серьгам. Там каждый, кто надругался над главным персонажем книги, кто выкручивал ему руки, впадал в беспредел, изощренно творил беззаконие, получил мощный подзатыльник, да такой, что в башке у него зазвенело. Или, будем предельно точны в терминах, – получил пинок в задницу. Заплечных дел мастеров книга эта вышибет из седла, вернее – из кресла, в котором покоится его самозабвенная задница. По крайней мере – на какое-то время вышибет. Существа из этой консистенции в огне не горят, в воде не тонут. Таких повергнуть в прах невозможно. Под какую бы мощную атаку они ни попадали, нет гарантии, что их повергли в прах. Где-то, когда-то, не дай Бог, скоро такое возникнет вновь. По логике мироустройства – должно возникнуть. Чтобы вновь и вновь поднимать на дыбу очередную жертву, изгаляться над ней, заставляя ее, чтобы она себя оговорила, добиться признательных показаний, призвать к сотрудничеству с ним, с палачом. И вообще – жертва должна любить палача, чтобы он испытывал радость от своей окаянной работы. Ну, Набоков об этом сказал всё, читайте его «Приглашение

на казнь». Впрочем, как сказал бы автор «Слова о полку Игореве», «надо ли нам, братие, растекаться мыслью по древу».

Закрыв книгу, невольно задержишь взгляд на последней странице обложки. И по инерции прочтешь то, что написано белым по черному (именно так – белым по черному): «Роман “Мараль” Бигельды Габдуллина, известного писателя и журналиста... формирование которого было востребовано временем становления независимого Казахстана, неустанного борца за справедливость, повествует об ужасающих порядках и условиях в казахстанских тюрьмах, о бесчеловечном отношении к заключенным. Автор сам испытал все тяготы тюремной жизни, именно поэтому его книга вызывает большой интерес у читателя. Смагул Елубай, писатель».

Книга написана, издана в Москве, в престижном издательстве «Художественная литература». Этот роман также опубликован в журналах «Простор», «Юность» и в «Роман-газете». Книга ушла в народ. Что изменилось? А собственно, что может измениться? Тут всё по Чехову. Как говаривали древние римляне: «Dixi et animam levavi!» То есть «Сказал и душу облегчил!».

Асель ОМАР

КНИГА О СВОБОДЕ

Человек добровольно не откажется от свободы.

В этом выводе свет нашего времени, свет будущего.

В. Гроссман

Повесть «СИЗО» Бигельды Габдуллина – первое и пока единственное в современной казахстанской литературе публицистическое произведение о местах заключения, и уже только по этой причине это неординарное явление. В основе повести лежит документальная история об аресте, следствии, суде и освобождении журналиста, главного редактора двух республиканских СМИ и президента Казахского ПЕН-клуба, изложенная им самим. Габдуллин рассказывает о том, что ему довелось пережить на собственном опыте. И это ему в полной мере удалось: написанная ярко и образно, повесть удерживает внимание читателя на протяжении всего повествования.

Сегодня в прессе и в обществе нередко возникает вопрос о том, стоит ли на время следствия помещать в изолятор тех, кто ранее не совершал преступлений, а также подозреваемых в экономических преступлениях. К таким людям чаще применяется домашний арест или подписка о невыезде. Европейский подход к пенитенциарной системе настаивает, что изоляция, а не лишение здоровья – это и есть суровое наказание. На этом фоне повесть «СИЗО» обнажает перед нами самую жесткую и нелюбезную правду о жизни людей в местах заключения. Из текста открыто следует, что современная система наказаний пользуется приемами ГУЛАГа с его средневековыми пытками, невыносимыми условиями содержания, голодом, унижением человеческого достоинства, известными нам по произведениям великой «лагерной» прозы.

С «перестройки» нам могло показаться, что мрачные призраки сталинских репрессий остались лишь в суровых степных казахстанских музеях истории ГУЛАГа. Однако автор подчеркивает, что «казахстанские полицейские еще не износили шинели тех, кто безжалостно мучил в застенках лучших сыновей

нашего народа – таких как Сакен Сейфуллин, Жусипбек Аймаутов, Алихан Бокейханов». И старые призраки, действительно, оживают на страницах книги «СИЗО» вслед за описаниями: «слышны чьи-то стоны, грохот замков – шаги, истошные крики, всхлипывания», «кого-то ведут на ночной допрос, кого-то просто избивают», «стены заблеваны, повсюду воняет хлоркой и нечистотами», «карцер имел такую площадь, на которой человек может только стоять, и то опустив руки вдоль туловища». Внимательный взгляд автора запечатлел образы, звуки, краски, чувства, передающие нам состояние людей, прошедших через застенки. Эти образы, чувство сопереживания, искренняя авторская интонация, умение подняться до гуманитарного обобщения красноречиво передают читателю картину происходящего.

Создавая портреты заключенных, рисуя картины их жизни, Габдуллин использует различные приемы. В одном эпизоде он вспоминает картину Пикассо «Склеп» с ее черно-белой палитрой, страдальчески изогнутыми линиями человеческих тел, в другом – сравнивает заключенных с угоняемыми в плен жителями времен Отечественной войны. Эпитеты один мрачнее другого дополняют общую картину: люди здесь «запуганные, полусогнутые», «человеческое месиво». Или описание камеры: «Мне показалось, что я попал в огромную братскую могилу, куда сбросили полуживые трупы». Картины тюремного быта изобилуют образами насилия и издевательств, создавая атмосферу выживания, где, кажется, уже нет возможности для проявления сколь-нибудь нормальных человеческих чувств. Сюжеты тюремного бытия отличает честная и пронзительная авторская интонация, порой даже ирония, способная подняться над трагедией. Автор показывает и доказывает, что многие из людей СИЗО, даже в этой жуткой бесчеловечной обстановке, всё еще способны на проявления человечности, на достойные поступки, и говорит о своих сокамерниках: «Эти грубые и изморожденные парни через неделю станут для меня близкими и в какой-то мере родными».

Книга «СИЗО» заставляет задуматься о соразмерности наказаний и о мере справедливости. Конечно, не существует идеальной, безупречной справедливости, которая устроила бы всех без исключения, как не существует понятия об идеальной правде, у каждого человека она – своя. Тем не менее, повесть поднимает эти вопросы, и, думается, своевременно. Габдуллин указывает, что мы унаследовали систему, которая своей целью ставит унижение достоинства и жестокость. Кроме того, в этих условиях человеку, преступление которого еще не доказано, труднее быть равноценной стороной процесса. Автор апеллирует напрямую к классической прозе времен репрессий, объясняя эту ситуацию: «Еще Варлам Шаламов писал, что, допрос – борьба двух волей: следователя и обвиняемого. К сожалению, эти воли находятся не на равных условиях боя. Как можно говорить о воле арестанта, который измучен холодом, моральной подавленностью, несправедливостью, безнадегой, тоской по родным, то есть когда голова его занята не только судебными делами».

В книге не раз сопоставляется свободная жизнь, где мы пользуемся последними достижениями цивилизации, технического прогресса и современного комфорта, и миром СИЗО, где человек словно бы перемещается в древние времена, где есть тюремная роба, матрас с железной миской и ложкой, а следователь предлагает взять на себя вину в циничной манере кафкианского толка из романа «Процесс»: «Если бы Вы умерили свои амбиции, то вышли бы отсюда, благоухая как майский цветок...» При этом Габдуллин далек от пафоса слепого осуждения, он хочет понять, как же так получилось, что в то время, как общество стремится к цивилизованной жизни, оно еще не распрощалось с жестокими нравами прошлого?

Думается, то, что журналист, испытавший подобные злоключения на себе, задается подобными вопросами, вполне закономерно. Многие казахстанцы

помнят созданный Габдуллиным еженедельник «Новое поколение». В 90-е годы очерки и репортажи газеты отразили тенденции становления постсоветского казахстанского общества, во многом создали журналистику свободы и независимости, в них не было и следа стиля советских газет, и они нередко становились предметом острой дискуссии в СМИ, в среде интеллигенции. Печатный тираж раскупался моментально. Это было время свободы мнений, ценности журналистского слова, и эту атмосферу в редакции «Нового поколения» создал Бигельды Габдуллин, который, казалось, родился свободным человеком в несвободной стране. И потому, пройдя сложный путь журналистской работы, возможно, в чем-то ошибаясь, а в чем-то поднимаясь на высоты жанра и профессии, он вправе ставить подобные вопросы.

Стиль Габдуллина красочен, отточен и иногда драматичен, что всегда было отличительной чертой его журналистской эссеистики, качество редкое и ценное. Текст насыщен звуками, голосами, интонациями, чувствами и страстями живой жизни, строится на проникновенном наблюдении. В нем есть диалогизм эссеистики, объективность фактов и отчетливо выраженная авторская позиция. В совокупности эти приемы воздействуют не только интеллектуально, но и эмоционально, и сила автора, думается, заключается не только в умелом использовании художественных приемов. Здесь есть секрет, о котором писал классик американской литературы и журналистики Том Вулф: «...помимо вопросов техники, этот жанр пользуется преимуществом настолько очевидным, что почти забываешь, какой силой он обладает: простой факт, что читатель знает – всё это действительно произошло».

Говоря о повести «СИЗО», нельзя не упомянуть о документах, которые являются в ней структурным элементом. В двадцатом веке документ в литературе стал чем-то большим, чем факт, взятый из реальной жизни, он стал способом создания особой реальности, поскольку обладает человеческим голосом – важной частью жанра *documentary*. Габдуллин так пишет о значении и роли документального свидетельства: «Вообще-то любой документ обладает необоримой силой. Даже такой вот невнятный и малограмотный, как цитируемый протокол. Рука инстинктивно тянется выправить грамматику и стилистические перекосы. А собственно говоря – зачем?» Именно в своей первозданности документ способен как нельзя лучше охарактеризовать происходящее. Поэтому Габдуллин приводит документы в оригинале, предоставляя читателю сделать выводы: «В той словесной и смысловой немоци, которой он [документ] пронизан, наверное, и состоит его суть. Здесь кроется вся абсурдность ситуации. Да, все эти невольные цитаты не просто утяжеляют повествование, делают его муторным, скучным, порой просто невозможным для чтения. Но в том занудном толчении воды в ступе кроется тщета усилий держиморд, осуществлявших судилище надо мной».

Возможность сравнить язык документов и публикаций, на котором говорят защитники журналиста Габдуллина и его обвинители, многогранно раскрывает время, ситуацию, чувства и поведение людей. Речь журналистов стремится к объективности, эмоционально взывает к здравому смыслу, как, например, в интервью сотрудника портала «Радиоточка» Бекжана Идрисова: «Давайте порассуждаем. СМИ, возглавляемые Габдуллиным, публикуют негативные статьи о каком-то чиновнике. Чиновнику это не нравится. Он считает, что опорочены его честь, достоинство и деловая репутация. Но в таком случае нужно обращаться в суд за защитой чести и достоинств». Стиль протокола, отражающий речь чиновника, тоже показателен в своей зажатости, казенности, искусственных юридических оборотах: «Вопрос адвоката Мухамедьярова А. свидетелю Сембинову Е.: При разговоре с Габдуллиным Б. К. угрожал ли он сам тем, что будет публиковать негативные статьи об акимате области, если ему

не дадут государственный информационный заказ? Ответ: Прямой угрозы с его стороны не было, но сказал, что «ты же знаешь меня, ты – парень умный, делай как надо». Вопрос следователя свидетелю: Как вы поняли слова Габдуллина Б. К.: «ты же знаешь меня, ты – парень умный делай как надо»? Ответ: Зная авторитет и уважение к Габдуллину Б. К. в нашей республике, я был согласен сотрудничать с данной газетой. Данный звонок и его высказывание я понял как оказание давления на меня». Читая эти протоколы, мы невольно замечаем вопросы, которые кажутся далекими от сути дела, косвенными, и лежат больше в поле словесной казуистики, нежели в настоящей жизни: «Как вы поняли слова журналиста?» Выходит, от того, как некий чиновник понял слова журналиста, зависит свобода и честь последнего? Таким образом, в книге «СИЗО», перерабатывая этическое в эстетическое, автору удается с помощью документа выстроить повествование, которое не нужно дополнительно пояснять. Собственно, сила документальной литературы и состоит в эффекте творчества из материала самой жизни, о чем сказала в нобелевской речи Светлана Алексиевич: «Искусство может солгать, а документ не обманывает... Хотя документ – это тоже чья-то воля, чья-то страсть».

Габдуллин предоставляет право голоса всем своим героям, формирует общую правду повествования из правды каждого. По ходу действия авторские ремарки, лишённые осуждения и морализаторства, позволяют нам понять мотивы поведения людей: «Пока я ехал в Нацбюро [по противодействию коррупции], начал набирать номера телефонов больших чиновников, с которыми недавно встречался в Астане. Увы, ни один из них не отвечал... Я понимал причину их молчания, реально представил себя на их месте и пришел к выводу: в этой ситуации – они бессильны, беспомощны, от них теперь не стоит ждать никакой поддержки». Или о надзирателях: «Они сутками находятся вместе с нами, дышат тем же воздухом, что и мы, арестанты, едят ту же пищу, что и мы, им так же крепко достается от своего зажавшегося начальства, как нам – от них».

Драматизм истории достигает накала и в пронзительных строках о коллегах: «Поздно ночью меня, усталого, изможденного, в наручниках выводили из здания Нацбюро, когда я краем глаза увидел своих коллег из газеты Юлию Кисткину, Сауле Исабаеву и Куаныша Дюскалиева. Они сидели понурые, потерянные, продрогшие на морозе. Увидев меня в таком плачевном виде, они засуетились, не зная, что делать и что сказать. Им неудобно было и за меня, и за себя, невинных. Они провожали меня печальным взглядом до автозака, желая хоть так поддержать, пока совсем не потеряли меня из виду». Личные ощущения раскрывают характер главного героя, человека сдержанного, рассудительного, искреннего: «Известно, что каждый человек, тем более честный, живет какими-то надеждами. Но ведь никаких надежд у меня нет. Как повлияют на мое здоровье суровые условия северной колонии? Как-никак, мне уже шестьдесят второй год». Искусно выхваченные детали создают обстановку: «Жестокий январский мороз немедленно схватил меня за голые кисти рук. То же самое совершил и конвоир. Щелчок, обжигающий холод и боль от ледяного металла наручников».

Габдуллин красочно рассказывает об атмосфере чиновничьих кабинетов, решавших его судьбу: на входе надо сдать удостоверение личности, «тут именно так “дисциплинируют” любого посетителя, чтобы он кожей чувствовал, в какое заведение попал и что его может ожидать», «зловещая тишина... в здании даже по телефону говорили тихо, чтобы не нарушить царящую вокруг тишину». Все эти картины подводят нас к центральному образу СИЗО – это, по мнению автора, «огромная, продуманная машина подавления воли арестантов, одна из изощренных форм тотального насилия». Вслед за автором мы понимаем, что в жестокой карательной системе приближение к истине те-

ряется, о чем писал философ и общественный деятель Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». История уже давала пример, когда интеллектуалы – писатели, журналисты и философы – изменили европейскую пенитенциарную систему, которая теперь считается лучшей в мире. В 70-х французские интеллектуалы, включая самого Фуко, своими работами и общественной активностью заставили общество заговорить о положении в тюрьмах, навсегда изменив их в лучшую сторону.

Повесть «СИЗО» приводит нас к понятию наказания в современном обществе, дает возможность осознать, что кроме лишения свободы огромным наказанием для человека является и стремление опозорить его, погружение в преступную среду, изоляция его от всего, что ему дорого, то есть стремление раздавить, лишив всех средств к существованию не только его самого, но и его семью. Так зачем еще унижать человеческое достоинство? Таким образом, автор поднимает проблему насилия и жестокости как анахронизмов системы, выживание в которой он объясняет с присущей ему мужественностью: «И я лишней раз уяснил для себя, что единственная победа, какую я смогу одержать над ними, – это выжить в таких скотских условиях. И не просто выжить и продлить свою жизнь, но сохранить свое достоинство, силу духа и волю». Сила духа и воля – вот то, что помогло главному герою выстоять.

На страницах книги мы видим имена самых известных казахстанских журналистов и политиков, кто до конца боролся за освобождение Бигельды Габдуллина. Слова поддержки во время написания этого текста пришли от Президента ПЕН-клуба Триеста (Италия) и члена правления Международного ПЕН-клуба Антонио Делла Рока: «Я был одним из тех писателей, которые написали письмо от Международного ПЕН-клуба в поддержку журналиста и писателя Бигельды Габдуллина. Мой друг и коллега Габдуллин – президент Казахского ПЕН-клуба. Он смелый человек, сторонник свободы слова, и для нас, писателей, было важно поддержать его в трудный момент ареста и заключения. Я рад, что Бигельды преодолел этот тяжелый период своей жизни и выстоял. Свобода прессы, свобода говорить правду – неотъемлемая часть современного общества, и я искренне желаю Бигельды Габдуллину – и в его лице казахстанской прессе – добиться демократических свобод, которые являются условием для улучшения нашей жизни».

Когда читаешь финальные главы повести, становится ясно: если даже компромисс со следствием оказался юридическим решением конфликта, то сердце и дух Габдуллина не могут смириться с пережитым. И потому вся атмосфера, весь трагизм и искренность книги «СИЗО» направлены не только в день сегодняшний, но и к нашему будущему, взывая к смене взгляда, к новому, цивилизованному отношению между властью и гражданином, потому что жить в этом обществе не только нам, но и завтрашним поколениям. Повесть «СИЗО» зафиксировала человеческий опыт и дала ему определение стилем и системой смыслов, с тем чтобы мы, читающие текст, уже не были прежними, чтобы после прочтения мы воспринимали явления жизни через призму данного человеческого опыта. Книга Бигельды Габдуллина переводит нашу действительность на новый, современный уровень понимания – с точки зрения начала двадцать первого века, настаивая на том, что жить с пагубным наследием невозможно. Будучи книгой о тюрьме, «СИЗО» стала книгой о свободе и справедливости, потому что она преобразует действительность, придавая ей новый смысл во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человека.

